Абдрахманов Б. Д. Осуществление политики репрессий в Киргизской ССР в 1937—1938 годах / Б. Д. Абдрахманов, З. А. Алтымышова // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 307—324. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-307-324.

Abdrakhmanov, B. D., Altymyshova, Z. A. (2021). Implementation of Repression Policy in Kirghiz SSR in 1937—1938. *Nauchnyi dialog*, 7: 307-324. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-307-324. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-307-324

Осуществление политики репрессий в Киргизской ССР в 1937—1938 годах

Абдрахманов Болотбек Джумашович

orcid.org/0000-0001-7498-7504

кандидат исторических наук

и.о. доцента

кафедра всеобщей истории и социально-
экономических, правовых дисциплин

факультета истории и социально-

правового образования

bolot.a.1958@mail.ru

Алтымышова Зухра Амеракуловна

orcid.org/0000-0002-9345-5519

PhD исторических наук, и.о. доцента

кафедра истории

гуманитарного факультета

zuhra.altymyshova@manas.edu.kg

Кыргызско-Турецкий

университет “Манас”

(Бишкек, Кыргызстан)

Implementation of Repression Policy in Kirghiz SSR in 1937—1938

Bolotbek D. Abdrakhmanov

orcid.org/0000-0001-7498-7504

PhD in History

Acting Associate Professor

Department of General History and

Socio-Economic, Legal Disciplines

Faculty of History and Socio-Legal

Education

bolot.a.1958@mail.ru

Zukhra A. Altymyshova

orcid.org/0000-0002-9345-5519

PhD in History, Acting Associate Professor

Department of History

Faculty of Humanities

zuhra.altymyshova@manas.edu.kg

Kyrgyz-Turkish

Manas University

(Bishkek, Kyrgyzstan)

© Абдрахманов Б. Д., Алтымышова, З. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос осуществления репрессий в отношении «троцкистов», «зиновьевцев», «правых» и других «врагов народа», проживавших в Киргизской ССР в 1937—1938 годах. Выявляются как объективные, так и субъективные предпосылки карательной деятельности органов безопасности в первые годы советской власти. Актуальность исследования обусловлена интересом ученых и общественности к периоду сталинских репрессий, оценке данных событий. Исследование осуществлено на основе материалов из архива государственного комитета национальной безопасности. Новизна исследования обусловлена тем, что указанные документы вводятся в научный оборот. Кроме того, впервые публикуются статистические данные о некоторых категориях репрессированных в республике. Авторы статьи считают, что необходимы переосмысление и политическая оценка событий этого непростого периода. Проанализирована репрессивная деятельность в отношении так называемых «врагов народа» в политическом аспекте, поскольку спецслужбы были инструментом правящей партии. Показаны роль и место органов безопасности, механизм реализации репрессий и незаконные способы проведения расследований. Для этого привлекаются архивные документы государственного комитета национальной безопасности Киргизской Республики.

Ключевые слова:

политические репрессии; Киргизская ССР; троцкисты; зиновьевцы; правые; вредительство; НКВД.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the implementation of repressions against the “Trotskyists”, “Zinovievites”, “Rightists” and other “enemies of the people” living in the Kirghiz SSR in 1937—1938 is examined in the article. Both objective and subjective prerequisites for the punitive activities of the security agencies in the first years of Soviet power are considered. The relevance of the study is due to the interest of scientists and the public in the period of Stalinist repressions, the assessment of these events. The study was carried out on the basis of materials from the archives of the State Committee for National Security. The novelty of the research is due to the fact that these documents are introduced into scientific circulation for the first time. In addition, statistics are provided on some categories of repressed in the republic, which are also published for the first time. A rethinking and political assessment of the events of this difficult period is proposed. The repressive activities against the so-called “enemies of the people” in the political aspect are analyzed, since the special services were an instrument of the ruling party and obeyed. The role and place of the security agencies, the mechanism for implementing repressions and illegal methods of conducting investigations based on archival documents of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic are shown.

Key words:

political repression; Kyrgyz SSR; Trotskyists; Zinovievites; Rightists; sabotage; NKVD.

Осуществление политики репрессий в Киргизской ССР в 1937—1938 годах

© Абдрахманов Б. Д., Алтымышова, З. А., 2021

1. Введение

Политика репрессий, направленная против определенных категорий граждан в период становления и укрепления советской власти, продолжалась с 1918 года до 1950-х годов. Время, когда государством руководил Иосиф Сталин, характеризуется усилением репрессий. 1937—1938 годы стали апогеем данной формы политического насилия. Сотни тысяч членов советской коммунистической элиты: партийные и правительственные чиновники, руководители промышленных предприятий, военные и гражданские служащие, технические работники, представители интеллигенции, а также простые люди — были арестованы, расстреляны или отправлены в трудовые лагеря как «враги народа». Кроме того, в 1937—1938 годах репрессиям в ходе «национальных операций» подвергались национальные меньшинства: этнические немцы, поляки, греки, латыши, корейцы, китайцы и др.

Тема репрессий 1930-х годов в исторической науке современного Кыргызстана до сих пор остается актуальной и одной из малоизученных проблем прошлого. Необходимо разработать подходы к оценке такого рода проблем на современном этапе развития страны.

Далее будут рассмотрены особенности осуществления репрессивной политики в Киргизской ССР в отношении «троцкистов», «зиновьевцев», «правых» в 1937—1938 годах. На основании анализа архивных документов государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики показаны роль и место органов безопасности в репрессивных действиях, механизм реализации ими карательных мер и нарушения процессуально-следственных действий.

2. Репрессии в Советской Киргизии

Политические репрессии в СССР начались сразу после Октябрьской революции 1917 года. Советское правительство создало чрезвычайную комиссию (ЧК) вскоре после революции для борьбы с контрреволюционными силами. Во время гражданской войны (1918—1921) в стране было вынесено 150 000 смертных приговоров. Во время относительно мирного НЭПа (1921—1927) около 10 000 человек («политические преступники») были приговорены карательными органами к высшей мере наказания.

Сталинская «революция сверху», которая ознаменовала крутой поворот от НЭПа, встретила сопротивление как внутри партии и правительства, так и со стороны советского общества в целом, что привело к резкому увеличению числа вынесенных по политическим мотивам смертных приговоров. За четыре года, с 1928 по 1931, более 30 000 человек в стране были приговорены к высшей мере наказания за политические преступления. В процессе коллективизации сельского хозяйства в конце 1920-х — начале 1930-х годов, индустриализации и укрепления личного правления Сталина репрессивные меры усилились и широко распространились по всему СССР. В сельской местности партия боролась с кулаками, заклеяменными как «классовые враги» (сельские буржуи), и их сторонниками, операция раскулачивания лишила имущества, вероятно, более трех миллионов крестьян [Kugomiya, 2013, p. 17—18].

1937 год стал пиком террора, который концентрическими кругами расходился от внутреннего ядра власти наружу, проникая во все слои общества. Он состоял из различных волн репрессий: устранения политической элиты, массовой расправы с кулаками, религиозными деятелями, военнослужащими, иностранцами и представителями этнических меньшинств, депортации целых народов [Баберовски, 2014, с. 166—167].

Как и в других республиках СССР, репрессивная политика проводилась и в Советской Киргизии. В Киргизской ССР в годы массовой коллективизации репрессии применялись в отношении «кулаков». В 1927 году 21 бай-манап (категория зажиточных людей) и в 1929 году 44 бай-манапа из Советской Киргизии были депортированы в Россию [ЦГА ОПД, д. 30, ф. 6, с. 24]. В 1931 году 700 семей из северной части республики были депортированы на Украину. Следующая кампания была проведена в 1932 году: на этот раз 500 кулацких хозяйств с юга республики были перемещены в другие регионы СССР [Там же, д. 363, ф. 10, с. 71—72].

С 1918-х годов операции по исключению членов коммунистической партии проводились непрерывно как в СССР, так и в республике. Если в Киргизии в 1933 году было 19 332 члена Коммунистической партии, то в 1938 году осталось 6029 человек, что означает уменьшение их числа втрое [Курманов и др., 1991, с. 5]. Большинство исключенных из Компартии впоследствии подверглись репрессиям. В конце 20-х и в начале 1930-х годов в Киргизии, как и в других республиках, репрессии усилились по отношению к «врагам народа». В 1933 году по ложному доносу был арестован и сослан на 10 лет видный государственный деятель, заместитель председателя госплана Киргизской АССР Абдыкерим Сыдыков. В том же году председатель Совета Народных Комиссаров Киргизской АССР Юсуф Абдрахманов был обвинен в национализме и снят с работы.

В 1937—1938 годах количество арестов увеличилось, например, с марта по ноябрь 1938 года было арестовано $\frac{2}{3}$ занимавших руководящие должности в государственных органах Киргизской АССР. Начиная с 1937 года репрессиям подверглись и командиры национальных воинских частей. Так, с августа 1937 по октябрь 1938 года органами НКВД были арестованы 44 военнослужащих 53 кыргызского кавалерийского полка по обвинению в том, что они являются членами националистического военного филиала «Социал-Туранской партии» [Архив ГКНБ КР, д. 8143-СУ, л. 44—67].

В этот период местные органы НКВД стремились любой ценой выполнить и перевыполнить указания и распоряжения из центра, пытались найти как можно больше «антисоветских организаций», «врагов народа», в результате чего было много сфабрикованных дел. В 1937—1938 годах репрессивные действия осуществлялись НКВД под руководством наркома внутренних дел Киргизской ССР И. Лоцманова (рис. 1).

Рис. 1. И. Лоцманов

Подозреваемых часто арестовывали посреди ночи и вскоре казнили. С особой секретностью проводились операции в 1937—1938 годах. Согласно постановлению НКВД СССР, родственникам и семьям репрессированных преднамеренно были сообщены ложные сведения, в частности, о том, что арестованные лишены права на переписку и приговорены к отбыванию наказания в лагерях сроком от 10 до 25 лет. На самом деле их к тому моменту уже расстреляли и похоронили в братских могилах. Информация о репрессиях, в частности казнях арестованных, была не известна общественности вплоть до 1990-х годов, сведения были обнародованы только после распада СССР [Kugomiyu, 2007, p. 4]. Например, смертный приговор от 5 ноября 1938 года, вынесенный Торокулу Айтматову, отцу

всемирно известного писателя Чингиза Айтматова, долгие годы скрывался от его семьи [Айтматова, 2007, с. 167]. Кроме того, следует отметить, что многие семьи репрессированных также пострадали от «Большого Террора» 1937—1938 годов. Можно утверждать, что в советской Киргизии члены семей репрессированных сталкивались с различными препятствиями. В результате дети так называемых «врагов народа» часто скрывали свое прошлое и меняли фамилии.

В 1991 году общая могила репрессированных граждан республики была обнаружена на территории дома отдыха НКВД в селе Чон-Таш в Чуйской области, недалеко от Бишкека. В Чон-Таше были найдены останки 137 человек, которых расстреляли в ноябре 1938 года. Среди них основатели киргизского советского государства, первые народные комиссары, первая кыргызская интеллигенция: Ю. Абдрахманов, К. Тыныстанов, Б. Исакеев, Т. Айтматов, А. Сыдыков, Айдарбеков, А. Орозбеков, Дж. Саадаев, Х. Женбаев, О. Тынаев, Б. Солтоноев, Э. Эсенаманов, Х. Шоруков и др. Их тела были брошены в печь местного кирпичного завода. Место погребения обнаружили усилиями одного из соавторов данной статьи — Болота Абдрахманова. Он провел большую работу по обнаружению и раскопкам места захоронения останков жертв политических репрессий в с. Чон-Таш. 30 августа 1991 года состоялась государственная церемония перезахоронения останков жертв сталинских репрессий, обнаруженных в Чон-Таше. В память о погибших построен мемориальный комплекс, посвященный политическим репрессиям. Это место названо «Ата-Бейит» («Могила отцов»), сегодня это единственная зарегистрированная в Кыргызстане могила жертв политических репрессий в республике (рис. 2).

Рис. 2. Мемориальный комплекс «Ата-Бейит»

После обретения Кыргызстаном независимости в 1991 году был принят закон от 27 мая 1994 года «О правах и гарантиях граждан, подвергших-

ся давлению из-за политических и религиозных убеждений, социальных, национальных и других характеристик», ставший важным шагом в реабилитации жертв политических репрессий в республике. Согласно последним исследованиям, проведенным на основе архивных документов Госкомитета национальной безопасности Кыргызстана, количество людей, подвергшихся политическим репрессиям в Кыргызстане с 1918 по 1953 год, составило примерно 20 тысяч человек, представляющих 55 национальностей [Абдрахманов и др., 2020, т. 1, с. 7].

В 2020 году списки репрессированных граждан изданы в виде книги жертв политических репрессий Кыргызской Республики в 10-ти томах (объемом более 5 тысяч страниц). В список жертв были внесены все проживавшие в республике граждане, репрессированные с 1920 по 1953 годы. Эта книга — «Книга жертв политических репрессий в Кыргызстане (1920—1953 гг.)» [Абдрахманов и др., 2020] — издана на кыргызском языке.

Книга жертв политических репрессий Кыргызской Республики позволит изучить контингент репрессированных, систематизировать сведения об их характеристиках: социальных, партийных, профессиональных, национальных, конфессиональных. Также база данных даст возможность проанализировать сведения по регионам республики, в которых влияние процесса «Большого террора» ранее не изучалось, и по этапам репрессий, выявить активные фазы политики террора и выносимые приговоры.

3. Осуществление политики репрессий в Кыргызской ССР в 1937—1938 годах

Состоявшийся 23 февраля — 5 марта 1937 года печально известный пленум ЦК ВКП(б) дал дополнительный импульс к массовым репрессиям. В докладе И. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» основной акцент был сделан на поиске и уничтожении «врагов народа», что карательные органы приняли к немедленному исполнению. НКВД разоблачал одну за другой «антисоветскую», «фашистскую», «террористическую» организации [Сталин, 1995, с. 3—15].

Жертв репрессий находили по определенным социальным и политическим критериям. Решающими для ареста стали такие факторы, как классовая принадлежность, происхождение, политическое и социальное прошлое. Так, параллельно с уничтожением контрреволюционных, национальных контингентов, социально-опасных элементов с июля 1937 по ноябрь 1938 года НКВД проводились одна за другой массовые операции против многих категорий граждан.

На основе анализа архивных материалов Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики изучаемого периода

можно увидеть, что, как правило, упоминаются репрессии против так называемых членов «Социал-туранской партии». Поскольку партию обвиняли в национализме, в число обвиняемых входили в основном лица кыргызской национальности. Среди репрессированных по данному сфальсифицированному делу можно отметить таких выдающихся личностей, как Ю. Абдрахманов, А. Орозбеков, А. Сыдыков, Т. Айтматов, К. Тыныстанов и др. [Архив ГКНБ КР, д. 2065-оф, т. 1, л. 156].

Однако в жернова репрессивной машины попадали лица и других национальностей: русские, украинцы, жившие и работавшие в республике в тот период. Их репрессировали согласно Приказу № 00447 НКВД СССР от 30.07.1937 года, выполняя план по разоблачению «троцкистов», «зиновьевцев», «правых» и других «врагов народа», проживающих в Киргизии [ГКНБ КР, д. 1755-оф]. В это же время, в августе 1937 года, наркомом внутренних дел Киргизской ССР был назначен Лоцманов, что, на наш взгляд, не случайно, а было связано с необходимостью реализации данного Приказа. Если политических «врагов народа» не было, то их нужно было искусственно создать, в том числе и для того, чтобы спасти свою жизнь, поскольку за неисполнение приказа по выявлению политических оппонентов сотрудники НКВД сами могли быть подвергнуты репрессиям.

Анализ документов о деяниях Лоцманова показывает, что он с задачей справился, погубив при этом большое количество невинных людей. До его назначения наркомом НКВД Киргизской ССР уже был арестован за принадлежность к «троцкизму» ряд партийных и советских работников республики. Вступив в должность, Лоцманов поручил своим сотрудникам допросить арестованных с применением к ним физического воздействия и добиться от них показаний о существовании правотроцкистского центра в Киргизии. Во время допроса арестованным было сказано, что к ним будет применена высшая мера уголовного наказания, если они не дадут признательных показаний, но в случае их согласия сотрудничать будет поставлен вопрос об отмене этого приговора. Угрозы и пытки вынудили арестованных дать вымышленные показания, что они являются участниками правотроцкистской организации. Для усиления достоверности полученных сведений Лоцманов дал арестованным для ознакомления газетный материал о Московском процессе над правотроцкистским центром Бухарина, Рыкова и других политических деятелей, предложил ознакомиться с ним и написать развернутые показания о существовании правотроцкистской организации в Киргизии [ГКНБ КР, д. 1755-оф, 7727-су].

Начальник 3-го отдела Иванов дал арестованным большой список фамилий руководящих работников Киргизии и предложил дать против последних показания, обвинив их в участии в правотроцкистской организа-

ции. Помимо уже находящихся под следствием людей, по данному делу проходило еще около 30 человек, которые в дальнейшем были все арестованы. Многие из обвиняемых под воздействием пыток дали признательные показания о своей контрреволюционной деятельности, признали себя членами и руководителями правотроцкистской подпольной организации в Киргизии. О масштабе дела свидетельствует тот факт, что с марта по ноябрь 1938 года было арестовано $\frac{2}{3}$ состава руководящих партийных и советских работников как в центральных учреждениях Киргизской ССР, так и в районах [Архив ГКНБ КР, д. 8143-СУ, л. 203—234].

Как показывают документы, в области борьбы с «врагами народа» между подразделениями НКВД также была конкуренция. К примеру, Лоцманов в приказе «О результатах соцсоревнования третьего и четвертого отделов УГБ НКВД Кирг. ССР за февраль 1938 года» извещал: «Четвертый отдел в полтора раза превысил по сравнению с 3-м отделом число арестов за месяц и разоблачил шпионов, участников контрреволюционных организаций на 13 чел. больше, чем 3-й отдел. Однако 3-й отдел передал 20 дел на Военколлегию и 11 дел на спецколлегию, чего не имеет 4-й отдел, зато 4-й отдел превысил количество законченных его аппаратом дел (не считая периферии), рассмотренных “тройкой”, почти на 100 человек» [цит. по: Палач ...].

Показательным является протокол допроса от 24 апреля 1938 года одного из обвиняемых (его имя по этическим соображениям мы не называем). Методы морально-физического воздействия на арестованного привели к тому, что он был сломлен и дал ложные показания. Далее приведем выдержку из протокола:

«Вопрос: На протяжении 7-ми месяцев пребывания под следствием Вы всячески уклоняетесь от дачи правдивых показаний о существующей право-троцкистской контрреволюционной организации в Киргизии и Вашем участии в ней. Мы располагаем неопровержимыми данными о Вашей роли в организации и требуем правдивых показаний.

Ответ: С момента моего ареста я делал несколько заявлений о моей троцкистской контрреволюционной деятельности, но пытался представить эти факты как бессистемные, не имеющие своего организационного начала. Теперь я понимаю, что дальше скрывать свое участие в право-троцкистской контрреволюционной организации, давно существовавшей в Киргизии, мне не удастся, и я решил стать на правдивый путь, рассказав обо всем, что мне известно. Признаю себя виновным в том, что до ареста состоял в правотроцкистской контрреволюционной организации, ставившей своей целью свержение Советской власти и установление буржуазного строя. Осуществление этой цели шло в блоке с буржуазными националистами Киргизии и иными враждебными элементами. Во Фрунзе я за-

стал целую группу активных троцкистов и зиновьевцев, которые тогда уже проводили совместную контрреволюционную борьбу против партии, под руководством бывшего в то время секретаря Киргизского обкома ВКП(б) Шубрикова» [Архив ГКНБ КР, д. 5923-су, л. 23—56]. На вопрос следователя НКВД о лицах, осуществлявших тогда контрреволюционную деятельность в Киргизии, арестованный отвечает, называя большое количество людей, работавших на партийно-советских должностях и якобы входивших в состав троцкистско-зиновьевской организации. Им были названы следующие лица: заведующий орг. отделом обкома партии — Ваннер, секретарь Фрунзенского горкома партии — Чернышев, бывший заведующий орг. отделом горкома партии — Успенский, заведующий АПО горкома партии — Евстигнеева, зам. председателя СНК Киргизии — Дунаев, зам. председателя КиргЦИК — Иващенко, секретарь КиргЦИК — Абрамов, сменивший его — Зубов, заведующий орг. отделом КиргЦИК — Миронов, наркомздрав — Ноздровская, плановик Госплана — Натансон, председатель Фрунзенского горсовета — Терещенко, секретарь горсовета — Белов, секретарь редакции «Советская Киргизия» — Иван Чистяков, бывший сотрудник НКВД — Шептухин [Там же].

Об обстоятельствах вхождения в «троцкистско-зиновьевскую контрреволюционную организацию» арестованный говорит следующее: «О наличии в Киргизии большой группы троцкистов и зиновьевцев и проводимой ими контрреволюционной борьбы против партии мне стало известно от бывшего заведующего орг. отделом Фрунзенского горкома партии — Успенского, который меня познакомил с бывшим заведующим орг. отдела КиргЦИК Мироновым и бывшим секретарем КиргЦИК — Абрамовым. После нескольких наших откровенных бесед они рассказали мне, что они выдворены из Ленинграда как активные участники зиновьевской “оппозиции”, что они проводят организованную борьбу против партии. В период 1927—1929 годы троцкистско-зиновьевская контрреволюционная организация в Киргизии, участником которой я являюсь, только переходила на нелегальные формы и методы борьбы против партии. Основная ее деятельность заключалась в сохранении своих кадров в партии и на руководящих должностях. На квартире Шубрикова, где состоялось собрание троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации, им была дана установка — двурушничать и маскироваться в целях сохранения себя в партии и усилении борьбы против нее. Шубриков дал прямую установку Чернышеву и мне как сотруднику горкома партии “не трепать особенно троцкистов и зиновьевцев, бить их по мере нужды на собраниях, но не добивать”. Этой двурушнической линией была пронизана вся работа руководителей обкома и горкома партии. Но враждебная деятельность троцкистско-зиновьевской организации в Кир-

гизии не ограничивалась только этим. Решение XIV съезда ВКП(б) об индустриализации страны и дальнейшие мероприятия партии по созданию промышленных предприятий на Советских окраинах вызвали резкое противодействие с нашей стороны. Этому мероприятию партии противились не только троцкисты и зиновьевцы, но и местные буржуазные националисты, которые к тому времени оформились в антисоветскую организацию во главе со своим вожаком — бывшим председателем СНК Абдрахмановым Ю. и 2-м секретарем обкома Садаевым» [Там же, л. 45].

Вызывает интерес его признание в ведении подрывной, вредительской деятельности. Если верить показаниям данного фигуранта дела, то все проблемы индустриального становления в республике были обусловлены не экономическими, финансовыми, кадровыми и другими трудностями, а исключительно вредительской деятельностью троцкистско-зиновьевской и буржуазно националистических организаций. Так, он отмечает следующее: «В результате подрывной, вредительской деятельности троцкистско-зиновьевской организации, с одной стороны, и буржуазных националистов — с другой, в Киргизии до 1931 года не было пущено в эксплуатацию ни одно промышленное предприятие, несмотря на большие капиталовложения, отпускаемые Союзным правительством. Конкретно могу указать на такой факт: в 1926 году была начата стройка первой в Киргизии гидростанции в Аламедине, имевшая в тот период решающее значение в деле обеспечения г. Фрунзе и промышленных предприятий электроэнергией. Ограниченные средства, отпущенные на строительство гидростанции, сознательно замораживались. Предприятия и учреждения, как и население г. Фрунзе, оставались без электричества. В 1929 году Нарком индустрии СССР, обследовав ход строительства Аламединской гидростанции, обнаружил явное вредительство и поставил вопрос о привлечении к уголовной ответственности руководства КиргССР. Дальше тормозить строительство было нельзя, создавалась угроза провала руководства троцкистско-зиновьевской и националистической организации. Чтобы спасти положение, Шубриков в порядке экстренных мер назначил меня начальником строительства, и лишь в 1929 году оно было закончено» [Там же, л. 57].

Очевидно, что в вопросах следователя НКВД содержится стремление получить показания о наличии блока между контрреволюционными организациями и об их совместных враждебных действиях. Приведем выдержку из протокола допроса.

«Вопрос: Можно ли понимать совместную враждебную деятельность троцкистско-зиновьевской и националистической контрреволюционной организации в Киргизии в период 1927—1929 гг. как наличие блока между ними?

Ответ: Я в тот период не был настолько близок к руководству троцкистско-зиновьевской <...>. Однако могу утверждать, что такой блок между ними, т. е. Шубриковым <...> с одной стороны <...> и Абдрахмановым (бывший председатель СНК КиргССР) и Садаевым (бывший 2-ой секретарь обкома партии) — с другой <...> уже тогда существовал.

Вопрос: Откуда исходило руководство троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации Киргизии?

Ответ: Насколько мне известно, указания и директивы исходили от Зеленского, бывшего в то время секретаря ЦК Среднеазиатского Бюро. Частенько слышал от Чернышева, а иногда от Шубрикова об их связях с Зеленским, когда шла речь о подрывной контрреволюционной работе» [Там же, л. 68].

По материалам следственного дела можно проанализировать трудовую деятельность обвиняемого, чьи показания мы приводим. Согласно им, везде он «занимался контрреволюционной, вредительской деятельностью». Так, он указывает, что «в 1929 году был послан на работу на юг Киргизии в г. Ош. О моей посылке в г. Ош было решение Киробкома. Должен отметить, что южная часть Киргизии, как известно, по своему географическому положению несколько оторвана от центра Киргизии. Причем юг характеризуется еще своей близостью к Китайской границе и концентрацией всех хлопковых районов. В силу этих особенностей югу Киргизии придавалось большое значение как троцкистско-зиновьевской, так и националистической контрреволюционной организацией. По прибытии в г. Ош я застал крепко сплоченные троцкистско-зиновьевские и националистические контрреволюционные организации ... Перед началом коллективизации были посланы в качестве секретарей РБК зиновьевцы — Успенский в Базар-Курганский район, Ус в Араван-Буринский район. Контрреволюционная деятельность троцкистско-зиновьевской и националистической контрреволюционной организаций облегчалась тем, что партийные ячейки на юге Киргизии тогда были крайне малочисленны и качественно слабы, беднота организованна плохо, советский и хозяйственный аппараты засорены классово-чуждыми людьми» [Там же, л. 78].

О последствиях враждебной деятельности троцкистско-зиновьевской и националистической контрреволюционной организаций на юге республики он сообщает следующее: «Целеустремленность нашей вражеской деятельности сводилась к тому, чтобы всеми способами дискредитировать и сорвать коллективизацию сельского хозяйства. Для этого мы систематически и упорно перегибали и извращали политику партии, добиваясь сплошной коллективизации целых районов, несмотря на известную отсталость в экономическом и культурном отношении юга Киргизии против централь-

ных районов. Мы не принимали никаких мер к ликвидации кулаков как класса, а <...> наоборот <...> давали ему возможность входить в колхозы и подрывать их изнутри. Кулачество и бай-манапские элементы, пользуясь таким положением, развернули среди дехкан бешенную пропаганду против коллективизации. В результате нашей подрывной работы в целом ряде районов — Араван-Буринском, Джалал-Абадском, Узгенском и других — произошли восстания против Советской власти. Восстания были подготовлены и осуществлены не только с целью срыва коллективизации, но и вооруженной борьбы против Советской власти. Мы имели намерения не только сорвать важное мероприятие партии и правительства, но повести более активную борьбу в целях свержения Советской власти.

В план троцкистско-зиновьевской и националистической контрреволюционной организаций входило также использование и этой силы — басмачей для вооруженной борьбы против Советской власти. Знаю, что в Узгенском районе одновременно с восстанием дехкан начала оперировать басмаческая банда Гаипа курбаши. Предполагаю, что Эсенаманов, Юлдашев руководили буржуазно-националистическими организациями на юге, а связь с басмачами шла по линии националистов, и они <...> бесспорно <...> руководили этой бандой» [Там же, л. 92].

Несомненный интерес вызывают некоторые показания обвиняемого относительно установок центральных органов по увеличению площадей посева хлопка. Так, данная установка, которая с точки зрения здравого смысла действительно имела некоторые негативные стороны (и они критически оценивались фигурантом дела), была <...> однако <...> в свое время принята к исполнению, потому что ее неисполнение в то время могло грозить серьезным обвинением в адрес исполнителей со стороны властей. Что интересно, обвиняемый указанные директивы властей преподносит как вредительскую акцию. На основании этих и других данных можно предположить, что он как человек грамотный таким образом, возможно, хотел показать всю драматичность того времени и противоречивость действий властей.

Приведем еще несколько фрагментов из его показаний: «Наши попытки сорвать коллективизацию не увенчались успехом. Восстания были подавлены. Поэтому мы перешли на методы широкого вредительства. Эта работа была возложена на меня. По линии планирования сельского хозяйства вредительство по моему заданию проводили названный мною Успенский, а также ссыльный троцкист Дроздов. Путем максимального расширения хлопкового клина мы резко сокращали посевы зерновых и других культур, в результате чего хлопкоробы оставались без хлеба, а животноводство, занимавшее значительный удельный вес в сельском хозяйстве юга, оставалось без кормовой базы. Хлопок как монокультура в сельском хозяйстве

был явно вредительским актом, продиктованным из Ташкентского и Фрунзенского центров и принятым нами к исполнению.

Одним из видов подрывной работы буржуазных националистов было всемерное культивирование среди коренного населения автономистских тенденций, то есть стремления отделения юга Киргизии от севера, расчленения целостности Киргизии для более плодотворной контрреволюционной работы» [Там же, л. 110]. И далее: «Сохранение и расстановка своих кадров, подрывная вредительская работа — являлись подсобными мероприятиями, способствующими выполнению основной задачи — вооруженного выступления. На нелегальном совещании руководителей правотроцкистской контрреволюционной организации в Киргизии в июле 1936 года Белоцкий прямо поставил вопрос о готовности свержения Советской власти путем повсеместного вооруженного выступления <...> Допросили: нач. 4 отдела УГБ НКВД КиргССР ст. лейтенант г.б. Идашкин, нач. 1 отделения 4 отдела УГБ НКВД КиргССР, мл. лейтенант г.б. Петухов» [Там же, л. 124].

Таким образом, судя по хронологии приведенных выше показаний арестованного против себя и других людей, можно заключить, что он начал давать ложные показания после 7-ми месяцев ареста, а именно после назначения Лоцманова наркомом НКВД республики. Это, в свою очередь, можно рассматривать в качестве свидетельства того, что с прибытием Лоцманова и его команды в НКВД республики начали применять в массовом порядке пытки арестованных. Кроме того, вызывает интерес «признание» обвиняемого во вредительской деятельности по разделению Киргизии на юг и север. Даже если предположить, что эта мысль была подсказана обвиняемому сотрудниками НКВД, скорее всего, так и было, то следует отметить, что органы государственной безопасности уже в то время обращали серьезное внимание на данное явление и рассматривали идею разделения республики как государственное преступление. Анализ вопросов, составленных следователями НКВД, показывает, что арестованным предъявлялись такие весомые обвинения, как членство в оппозиционных организациях, вредительство, руководство басмаческим движением, подготовка к вооруженному выступлению. При этом доказательной базы по таким серьезным статьям не приводится, видимо, в доказательствах не было необходимости. Достаточно было признания арестованного, пусть даже полученного в результате физических пыток: арестованных, которые не давали показаний об их принадлежности к вымышленной организации, следователи жестко избивали, а когда избитых арестованных на следствие приводили в камеры, то обработка продолжалась еще и там уже соседями по камере, подготовленными следователями НКВД.

Как видно из показаний обвиняемого, он в качестве «участников правотроцкистской и националистической организаций» назвал много имен из числа руководящего партийно-советского актива республики. Этих людей ожидал незамедлительный арест сотрудниками НКВД и допрос по известной, наработанной схеме.

Список репрессированных руководителей предприятий, государственных органов республики, включенных в «Книгу жертв политических репрессий в Кыргызстане с 1920—1953 гг.» [Абдрахманов и др., 2020], представлен в таблице и состоит из 751 человека, которые представляют 18 национальностей (табл. 1). Из них лиц кыргызской национальности — 216, русских — 189, украинцев — 43, узбеков — 24, евреев — 23, немцев — 16, татар — 16, уйгур — 11, казахов — 9, поляков — 7, латышей — 6, белорусов — 4, дунган — 4, грузин — 3, чехов — 2, башкир — 2, армян — 2, таджиков — 2.

Таблица 1

№	Руководители предприятий, государственных органов	Количество, чел.
1	Руководители промышленных, строительных предприятий (заводы, лесхозы, фабрики, типографии, тресты, шахты, транспорт)	99
2	Председатели колхозов	196
3	Руководители подразделений советских органов (Госплан, наркоматы)	48
4	Руководители подразделений торговых, финансовых предприятий (плановые, финансовые отделы, потребсоюзы, базы, склады)	79
5	Руководители учебных заведений, в том числе ВУЗов, техникумов, школ, облырайоно	84
6	Руководители творческих коллективов, в том числе научных, редакторы газет (корреспонденты, переводчики)	55
7	Руководители медицинских учреждений (больниц, начальники наркомздрава, облырайздрава, физкультурных подразделений)	23
8	Руководители правоохранительных органов (милиция, НКВД, прокуратура)	43
	ИТОГО	751

По данным нашего исследования, из 17 134 репрессированных к высшей мере наказания было приговорено 3639 человек, что составляет 21,2 %, остальные — к разным срокам заключения в лагерях и тюрьмах или к ссылке.

4. Заключение

Политические репрессии, применявшиеся с момента установления советской власти, имели серьезные негативные последствия для общества и государства. В 1937—1938 годах миллионы людей были репрессированы: заключены в тюрьму, приговорены к смертной казни или сосланы в трудовые лагеря.

Объективный анализ событий и явлений истории на разных этапах развития государства позволяет глубже понять сущность и назначение органов госбезопасности на определенном отрезке времени, основные направления их деятельности. Архивные документы и материалы, особенно законодательные акты, принимавшиеся в разное время высшими органами государственной власти по органам ВЧК / ГПУ / ОГПУ / НКВД, свидетельствуют о том, что эти учреждения были своего рода заложниками проводимой Сталиным и его ближайшим окружением карательной политики по отношению к разным слоям населения.

Проблемы оценки места и роли органов госбезопасности в социально-политической структуре советского общества связаны прежде всего с их использованием правящей партией в качестве силового ресурса для достижения политических целей. Этим обусловлены основные негативные действия органов госбезопасности, направленные против граждан государства. В этом и состоят главные исторические уроки.

Таким образом, анализ основных направлений оперативно-розыскной деятельности ЧК / ОГПУ / НКВД Киргизии свидетельствует о том, что республиканские органы безопасности были трансформированы в карательный аппарат и вели активную деятельность по проведению репрессий против «врагов народа» в рассматриваемый период. Так, уничтожение части партийно-советских кадров было осуществлено под видом вскрытия «троцкистско-зиновьевской», «правотроцкистской» организации руководством НКВД республики того времени. Проведенный анализ архивных материалов ГКНБ КР по «троцкистско-зиновьевской», «правотроцкистской» организации показывает, что органы НКВД республики, выполняя указания пленума ЦК ВКП(б) от 23 февраля 1937 года, с большим усердием «вскрывали» якобы существующие оппозиционные организации в республике. После смерти Сталина жертвы репрессий 1937—1938 годов в республике были реабилитированы.

Источники и принятые сокращения

1. ГКНБ КР — *Архив* Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики (О грубых нарушениях социалистической законности в НКВД Кырг. ССР, имевших место в 1937—1938 гг). ф.у.д. арх. Дело 2065-оф, т. 1, л. 156.

2. ГКНБ КР — *Архив* Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики (Копийные материалы. Дела на указ. лиц находятся в архиве ФСБ РФ). Дело 1755-оф.

3. ГКНБ КР — *Архив* Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. Документы и материалы следственных дел, сфабрикованных НКВД в 1937—1938 гг. Дело 1755-оф, 7727-су (Копийные материалы. Дело на указ. лиц находится в архиве ФСБ РФ).

4. ГКНБ КР — *Архив* Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. Дело 8143-СУ. л. 203—234.

5. ГКНБ КР — *Архив* Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики (Документы и материалы следственных дел, снятых с учета, сфабрикованных НКВД в 1937—1938 гг. в отношении иностранцев). Дело 5923-СУ, л. 23—56.

6. ГКНБ КР — *Архив* Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. Дело 8143-СУ, л. 44—67.

7. ЦГА ОПД — *Центральный* государственный архив общественно-политической документации. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. С. 24 ; Ф. 10. Оп. 1. Д. 363. С. 71—72.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдрахманов Б. Дж.* Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920—1953 жж.) (Книга жертв политических репрессий в Кыргызстане (1920—1953 гг.) / Б. Дж. Абдрахманов Т. А. Абдырахманов. — Бишкек : Бийиктик плюс, 2020. Т. 1—10. — 5000 с.

2. *Айтматова Р.* Тарыхтын актай барактары (Белые страницы истории) / Р. Айтматова. — Бишкек : Бийиктик, 2007. — 328 с.

3. *Баберовски Й.* Выжженная земля : Сталинское царство насилия / Й. Баберовски ; перевод с немецкого Л. Ю. Пантиной. — Москва : Политической энциклопедия, 2014. — 487 с. — ISBN 978-5-8243-1858-6.

4. *Курманов З. К.* Тридцать седьмой год в Киргизии (Возвращенные имена) / З. К. Курманов, С. И. Бегалиев, В. Д. Семенов и др. — Фрунзе : Кыргызстан, 1991. — 253 с. — ISBN 5-655-00627-8.

5. *Палач*, расстрелявший 137 человек в Чон-Таше, закончил свою жизнь в подвалах Лубянки [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.kp.kg/daily/25786.5/2770028/> (дата обращения 12.11.2020).

6. *Сталин И. В.* О недостатках партийной работы и о мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников : доклад на февральско-мартовском пленуме (1937 г.) / И. В. Сталин // Вопросы истории. — 1995. — № 3. — С. 3—15.

7. *Kuromiya H.* Overview of the Great Purge / H. Kuromiya // Perspectives on Modern World History, Stalin's Great Purge. Editor Noah Berlatsky. — Michigan : Greenhaven Press, 2013. — 190 p.

8. *Kuromiya H.* The Voices of the Dead : Stalin's Great Terror in the 1930s. / H. Kuromiya. — New Haven and London : Yale University Press, 2007. — 304 p. — ISBN 9780300123890.

MATERIAL RESOURCES

CGA OPD — *Central State Archive of Socio-political Documentation*. F. 6. In. 1. P. 30. P. 24; F. 10. In. 1. C. 363. P. 71—72. (In Russ).

- GKNB of the Kyrgyz Republic — *Archive of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic* (About gross violations of socialist legality in the NKVD of the Kyrgyz SSR, which took place in 1937—1938). D. 2065-of. Vol. 1. L. 156. (In Russ).
- GKNB of the Kyrgyz Republic — *Archive of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic*. C. 8143-SU. L. 203—234. (In Russ).
- GKNB of the Kyrgyz Republic — *Archive of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic*. Documents and materials of investigative cases removed from the register, fabricated by the NKVD in 1937—1938 in relation to foreigners). C. № 5923-SU. L. 23—56. (In Russ).
- GKNB KR — *Archive of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic*. C. 8143-SU. L. 44—67. (In Russ).
- GKNB KR — *Archive of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic* (Copy materials. Business on the decree. persons are in the archive of the FSB of the Russian Federation). D. 1755-of. (In Russ).
- GKNB KR — *Archive of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic* Documents and materials of investigative cases fabricated by the NKVD in 1937-1938. (Copy materials. Business on the decree. persons are in the archive of the FSB of the Russian Federation). D. 1755-of, 7727-su. (In Russ).

REFERENCES

- Abdrakhmanov, B. J., Abdyrakhmanov, T. A. (2020). *Book of victims of political repression in Kyrgyzstan (1920—1953), 1—10*. Bishkek: Biyiktik plus. 5000 p. (In Kyrg.).
- Aitmatova, R. (2007). *White pages of history*. Bishkek: Biyiktik. 328 p. (In Kyrg.).
- Baberowski, J. (2014). *Scorched Earth: Stalin's Kingdom of Violence*. Moscow: Encyclopedia of Political Science. 487 p. ISBN 978-5-8243-1858-6. (In Russ).
- Kurmanov, Z. K., Begaliev, S. I., Semenov, V. D., etc. (1991). *Thirty-seventh year in Kyrgyzstan (Returned names)*. Frunze: Kyrgyzstan. 253 p. ISBN 5-655-00627-8. (In Russ).
- Kuromiya, H. (2007). *Voices of the Dead: the Great Stalinist Terror in the 1930s*. New Haven and London: Yale University Press. 304 p. ISBN 9780300123890.
- Kuromiya, H. (2013). Review of the Great Purge. In: *Perspectives on Modern world History, The Great Purge of Stalin*. Michigan: Greenhaven Press. 190 p.
- Stalin, I. V. (1995). On the shortcomings of Party work and on measures to eliminate Trotskyist and other double-dealers: a report on the February-March Plenum (1937). *Voprosy istorii*, 3: 3—15. (In Russ).
- The executioner who shot the man in Chon-Tash 137, ended his life in the basements of Lubyanka*. Available at: <https://www.kp.kg/daily/25786.5/2770028> (accessed 12.11.2020). (In Russ).